

БИБЛИОТЕКА

ДОСУГИ И ПОЛЬЗА

А. КОНАН-ДОЙЛЬ

Черное знамя

А. ПЕН

Запечатанный приказ

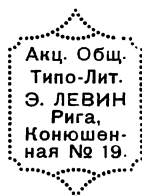
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРЕССА»
РАГА

Библиотека „Досуг и Польза“

А. КОНАН - ДОЙЛЬ.

Черное знамя.

Издательство „ПРЕССА“.
РИГА.

А. Конан-Дойль.

Черное знамя.

Произошло это событие в те дни, когда морское могущество Франции было уже разрушено. Большая часть ее громадных трехпалубных кораблей вместо того, чтобы красоваться в Бресте, покоилась на дне океана. Но у Франции оставались еще фрегаты и корветы, и эти суда скользили по водам морей, преследуемые англичанами. Да, во всех концах земли эти красивые кораблики воюющих сторон, названные именами девушек или цветов, увечили или топили друг друга в честь и славу маленьких кусочков материи, которые болтались на их главных мачтах. В описываемую ночь дул сильный ветер, но с рассветом погода стихла, и восходящее солнце озарило зеленые волны, которые постепенно успокаивались, сливаясь одна с другой, превращаясь в одну бесконечную, почти ровную зыбь. К северу и к югу был виден горизонт, представляющий совершенно ровную линию. На востоке виднелся скалистый остров. Острые вершушки гор подымались к небу. Кое-где были рассеяны группы пальм, а над конической вершиной самой высокой горы висело густое облако тумана.

У берега виднелись высокие валы прибоя, а немного подальше красовался выкрашенный в черную краску английский тридцати-двух-орудийный

фрегат «Леда», под командой капитана Джонсона. Подобно черному лебедю, красивый фрегат покачивался в изумрудных волнах, медленно подвигаясь к северу. На палубе фрегата стоял маленький человек с загорелым лицом. Он глядел через подзорную трубу на горизонт.

— Мистер Вартон!—закричал он скрипучим, как несмазанная дверь, голосом.

На этот призыв с кормы появился худой офицер. Ноги у него были согнуты, и шел он спотыкаясь.

— Что вам угодно, сэр?

— Я открыл запечатанный приказ, мистер Вартон.

Худое лицо старшего лейтенанта озарилось любопытством. Дело в том, что «Леда» и «Дидона», другой такой же фрегат, вышли неделю тому назад из Антигвы с приказом, им неизвестным, который заключался в запечатанном конверте.

Капитан произнес:

— Конверт мы должны были распечатать у берегов необитаемого острова Сомбриеро, лежащего на восемнадцатом градусе северной широты и тридцать шестом западной долготы. Сомбриеро лежит в 4-х милях отсюда. Мы миновали его во время бури, мистер Вартон.

Лейтенант сделал официальный поклон в знак согласия. Он и капитан были друзьями детства. Вместе они ходили в школу, вместе поступили на службу во флот, вместе сражались и даже породнились между собой, женившись на родственницах. Но эти дружеские отношения забывались ими немедленно же, как только они вступали на борт корабля. Место дружбы заступала железная дисциплина, и вместо родственников являлись только начальник и подчиненный. Капитан

Джонсон вынул из кармана лист почтовой бумаги, развернул его и прочитал:

«Предписываю двум тридцати-двух-орудийным фрегатам «Леде» и «Дидоне», состоящим под командою капитанов А. П. Джонсона и Джемса Мунро, идти немедленно в Караибское море и разыскать там французский фрегат «Слава». Фрегат этот в последнее время затопил несколько наших купеческих судов. Фрегатам Его Королевского Величества предписывается также изловить или затопить пиратское судно, известное под именами «Буйной Сарры» или «Лохматого Гудсона». Эти пираты грабили неоднократно британские судна, предавая мучительной смерти их команды. «Буйная Сарра» представляет собою небольшой бриг с десятью легкими орудиями и одной двадцати-четырехфунтовой карронадой в передней части корабля. Последний раз «Буйную Сарру» видели недалеко от острова Сомбриеро. Подписано: контр-адмирал Джемс Мангомери. Дано на корабле Его Королевского Величества «Колосс». Антигва».

Капитан Джонсон спрятал приказ в карман, взглянул в зрительную трубу на горизонт и произнес:

— А спутник-то наш пропал. «Дидона» ушла вперед как раз тогда, когда нас застигла буря. Неприятно, если мы встретимся с французами без «Дидоны». Не правда ли, мистер Вартон?

Лейтенант весело улыбнулся.

— Чего вы смеетесь? Французский корабль вооружен восемнадцати-фунтовыми и двенадцати-фунтовыми пушками. По водоизмещению он при-

*) Карронадой называлось орудие, представляющее нечто вроде морской мортиры. Это была короткая пушка с широким дулом. Изобретено оно было шотландцем Карроном.

восходит наш корабль почти вдвое, а капитан его — один из лучших людей во всем французском флоте. Кто не знает капитана Милона?

А затем, как бы устыдившись своей боязливости, он повернулся на пятках спиною к лейтенанту и воскликнул:

— А все-таки, чорт возьми, я с удовольствием схвачусь с этим Милоном на бордаж!

И сурово глянув через плечо на лейтенанта, капитан скомандовал:

— Мистер Вартон, прикажите замедлить ход и направить фрегат к западу.

С мачты раздался голос сторожевого матроса:

— На горизонте виден бриг!

Маленький капитан направился к парпету и навел на горизонт подзорную трубу. Худой лейтенант приблизился к своему помощнику Смитону и шопотом начал с ним совещаться. Из каюты высыпали офицеры и матросы и, прикрывая глаза от солнца руками, стали всматриваться в даль.

Бриг, замеченный матросом, стоял на якоре у устья извилистой бухты. Было совершенно очевидно, что это судно не может выйти в море, не попав под страшные пушки английского фрегата.

— Судна этого мы не упустим, мистер Вартон, — сказал капитан. — Весьма вероятно, что это и не пираты, мистер Смит, но, на всякий случай, пусть люди идут к орудиям. Прикажите также приготовить лодки.

Британские матросы в те времена были привычны к войне и исполняли свои обязанности даже в самые опасные минуты совершенно спокойно. Прошло немного времени, как все люди находились уже на своих местах, готовые к бою. Фрегат быстро мчался на свою маленькую жертву.

— Это «Буйная Сарра», сэр?

— Теперь в этом нет никакого сомнения, мистер Вартон.

— Им, повидимому, не нравится наше приближение. Глядите, они обрезали якорь и хлопочут над парусами.

Было совершенно очевидно, что бриг собирался спасти свою жизнь. На мачтах взлетали один за другим паруса, команда работала на снастях, как безумная. Бриг, повидимому, отказался от попытки проскользнуть мимо противника и решился удрать ближе к берегу.

— Видите, мистер Вартон, они стараются уйти в мелкую воду, и, стало быть, мы их запрем в бухте. Правда, это—маленький бриг, но я считал пиратов гораздо смелее и умнее. Они поступили бы разумнее, если бы попытались проскользнуть мимо нас и уйти в открытое море.

— А это, должно быть, по случаю бунта, сэр.

— Какого бунта?

— О, сэр! Я слышал об этом в Манилле.

Скверное это дело, сэр. Команда убила капитана и двух офицеров. Мятежом руководил этот самый Гудсон. Они его называют Лохматым Гудсоном. Родом он из Лондона, и такого жестокого негодяя, как Гудсон, свет не видывал.

— Ну, так знайте, мистер Вартон, что этот Гудсон теперь скоро отправится на виселицу. Повидимому, на бриге много людей. Мне хотелось бы спасти из команды человек двадцать, но, пожалуй, не стоит. Эти мерзавцы способны развратить самого порядочного матроса. Лучше их всех отправить в море.

Оба офицера стояли и глядели на бриг в зрительные трубы. Вдруг лейтенант улыбнулся, а капитан покраснел, видимо, рассердившись.

— Вы видите, сэр, того человека, который стоит на палубе и показывает нам нос? Это и есть Лохматый Гудсон.

— Подлый, наглый негодяй! Вот я ему покажу, как со мною шутить! Мистер Смит, нельзя ли достать бриг восемнадцати-фунтовым орудием?

— Надо пройти еще один кабельтов, сэр, тогда это можно будет сделать.

В то время, пока Смит отвечал, с брига раздался выстрел. Выстрел этот имел значение только демонстрации, ибо маленькие орудия брига не могли достать до фрегата. А затем маленькое судно стало под паруса и начало быстро улепетывать по извилистому каналу вглубь бухты.

— Вода быстро уменьшается, сэр,—сказал второй лейтенант.

— Но, ведь, здесь по карте должно быть шесть саженей глубины?

— Только четыре, сэр.

— Ну, ладно; как-нибудь пройдем. Ага, так и есть! Мистер Вартон, наводите орудия, теперь бриг в нашей власти.

Моря теперь уже не было видно, ибо фрегат вошел в узкий, напоминающий речку, канал, ведущий в бухту. Бухта же теперь была видна, и берег находился не далее мили. В самом углу бухты стоял, приблизившись насколько возможно к берегу, бриг. Он стоял, поворотившись боком к противнику, а на его бизань-мачте развевался кусок черной материи.

Худощавый лейтенант, успевший сходить тем временем к себе в каюту, вернулся снова на палубу. Он был вооружен. На левом боку у него болтался кортик, а у пояса торчали два пистолета. Лейтенант с любопытством взглянул на развевающийся кусок черной материи и произнес:

— Какая дерзость, сэр! Они вывесили пиратский флаг.

Капитан был в бешенстве.

— Пусть они повесят хоть свои панталоны, — кричал он, — я все равно расправлюсь с ними! Сколько вам понадобится лодок, мистер Вартон?

— Я думаю, что двух больших будет достаточно.

— Берите четыре, но сделайте дело, как следует. Режьте их всех до последнего, а я тем временем обработаю бриг как следует восемнадцатью-фунтовыми орудиями.

Раздалось шуршанье канатов, скрип блоков, и четыре лодки шлепнулись в воду.

В лодках кишмя кипела команда — босоногие матросы, здоровые судовые солдаты, смеющиеся мичманы. Во главе их виднелись старшие офицеры, напоминавшие своими строгими лицами школьных учителей. Капитан, опершись на парапет локтями, глядел на бриг. Команда его готовилась к защите. На палубу тащили пушки, убивали паруса, пробивали новые отверстия для пушек, вообще говоря, пираты готовились к отчаянному сопротивлению. Командовал ими суетившийся по палубе великан в красном колпаке. Лицо его все заросло волосами, виднелись только один глаза. Капитан следил за ним, кисло улыбаясь, а затем, вдруг, повернулся назад и снова взглянул в зрительную трубу. С минуту он глядел вдаль, а затем вдруг кричал своим тонким, высоким голосом:

— Лодки назад! Мистер Смитон, готовьте кормовые орудия! Подбирай снасти! Готовься к бою!

Из-за дамбы канала прямо на «Леду» шел корабль-великан. На фоне зеленых пальм, растущих

на берегу, отчетливо обрисовывалась его выкрашенная в желтый цвет носовая часть, на которой была изображена белая голова с крыльями. На палубе возвышались три громадные мачты и на одной из них гордо развевался французский флаг. Корабль быстро шел вперед; темно-голубая вода пенилась около него. Палуба вся была усеяна людьми, снасти были подобраны, отверстия для орудий приподняты, и из них выглядывали дула орудий, готовые заговорить каждую минуту.

Французские лазутчики, скрывавшиеся на острове, видели, что английский фрегат вошел в тупик, из которого нет выхода, и дали об этом знать капитану «Славы». И вот капитан Милон решил поступить с «Ледой» точно так же, как капитан Джонсон собирался поступить с «Буйной Саррой»...

Но великолепная дисциплина британских моряков сказалась во всем блеске в этот критический момент. Лодки быстро вернулись назад, и через несколько минут фрегат был уже приведен в боевую готовность. Артиллеристы стояли у орудий, а солдаты выглядывали за паралет, рассматривая величественный французский корабль.

«Леда» описала полукруг и двинулась назад. Французы сделали то же. Ветер был очень слаб, на голубой поверхности воды виднелась едва заметная рябь. Противники шли теперь к открытому морю. Цель французов была дойти до устья канала, запереть собою выход из него и расстрелять беззащитную «Леду». Корабли отделяло расстояние всего в сто ярдов, и англичане ясно слышали движение на палубе французского корабля.

— Скверное положение, мистер. Вартон,—сказал капитан.

— Ничего, сэр, бывает и похуже. Мы должны держаться на том же расстоянии и рассчитывать

на наши пушки. Людей у них очень много, и если им удастся нас атаковать сбоку, мы очутимся в очень неприятном положении.

— Я вижу солдатские мундиры у них на палубе.

— Да. Это—две пехотные роты из Мартишки.

— Ну, теперь, кажется, мы их изловили! Прибавьте парусов и, когда мы будем проходить мимо носовой части, стреляйте из всех орудий.

Действительно, в эту минуту подул небольшой ветерок, и сообразительный капитан решил этим воспользоваться. Подняв паруса, он бросился наперерез большому французу и атаковал его из всех орудий. Но ветер упал, и «Леда» должна была возвратиться назад. Маневрируя, она попала как раз под боевой огонь французского корабля.

Залп грянул, и маленький, красивый фрегат весь задрожал под этими выстрелами. Можно было подумать, что фрегат погибнет. Но нет: матросы засуетились, подняли запасные паруса, и фрегат снова атаковал французов. Но Милон не дал перерезать себе путь и сделал соответствующий маневр. Теперь оба корабля шли рядом, на расстоянии пистолетного выстрела, стреляя друг друга из всех боковых орудий. Это была одна из тех убийственных дуэлей, одно воспоминание о которой заливают летопись британского флота потоками крови.

Стояла тихая, безветренная погода, и поэтому оба корабля сразу же окутались густым, черным дымом. Виднелись только верхушки мачт. Противники уже не могли видеть друг друга. Они были погружены в тьму, которая освещалась заревом огня. Даже пушки заряжали в той же туманной атмосфере. На корме и передней башенке стояли морские солдаты в своих красных мундирах. Они

аккуратно заряжали винтовки и стреляли по направлению неприятеля, но и они, подобно артиллеристам, не видели того, в кого стреляли. Да и в самом деле, можно ли видеть ущерб у неприятеля, когда не видишь ущерба, который сам терпишь?

Действительно, тьма была так непроницаема, что артиллерист, стоя у орудия, не мог видеть, что делается около соседней пушки. Рев орудий перемешивался с резким треском ружейных выстрелов. Слышался гром разрушающихся деревянных частей, на палубу с грохотом падали части мачт. Офицеры ходили взад и вперед, ободряя артиллеристов. Капитан Джонсон старался разглядеть, что делается на неприятельском корабле, и, сняв свою трехугольную шляпу, развеивал перед собою дым. Увидав Вартона, проходившего мимо, он весело воскликнул:

— Веселое дельце, Боб!

А затем, вспомнив о дисциплине, более сдержанным тоном добавил:

— Каковы наши потери, мистер Вартон?

— Сломана главная рея и гаффел!

— А где наш флаг?

— Сорван выстрелом и упал в море.

— Французы подумают, что мы сдаемся. Возьмите флаг с командирской лодки и поднимите его на бизань-мачту.

— Слушаю, сэр.

Как раз между капитаном и лейтенантом упал снаряд и разрушил ящик, на котором был утвержден компас. Дым на несколько мгновений рассеялся, и капитан мог убедиться, что тяжелые орудия французов причиняют фрегату страшный ущерб. От «Леды» оставались только клочки. Палуба была усеяна трупами. Отверстия для орудий были

разрушены. Одна восемнадцати-фунтовая пушка была опрокинута.

Солдаты на корабле и башне продолжали стрелять, но половина орудий уже была приведена к молчанию. Около этих умолкших орудий лежали груды мертвых тел.

— Готовьтесь отражать абордаж! — крикнул капитан.

— Вынимай кортики, ребята! — скомандовал Вартон.

Командующий солдатами капитан приказал:

— Прекратить стрельбу! Дать залп, когда враг станет всходить на палубу.

Из мглы стал вырисовываться громадный корпус французского корабля. Он быстро приближался к побежденной «Леде»; у борта звякали громадные абордажные крючья. Приблизившись на совсем близкое расстояние, «Слава» дала последний залп из всех орудий. Этим залпом была сбита главная мачта «Леды». Завертевшись в воздухе, мачта грохнулась на палубу, прямо на пушки, при чем убила десять человек и привела в негодность целую батарею.

Еще мгновение, и корпус французского корабля ударится о корпус «Леды». Несколько гигантских крючьев вцепились в палубу английского фрегата. Несметные колонны французов, заполнившие палубу, дико кричали, готовясь ринуться на врагов.

Но этим французам не было суждено взойти на залитую кровью палубу английского фрегата. Откуда-то совсем близко загремел хорошо направленный орудийный залп, затем другой, третий...

Английские моряки, стоявшие молчаливо около орудий с обнаженными кортиками и ожидав-

шие натиска врагов, с удивлением наблюдали, как черные массы французов стали быстро таять.

Еще момент, и расположенные на противоположном борту французского корабля пушки грянули ответным залпом.

— В какого чорта они стреляют? — крикнул капитан, — очищайте палубу!

— Готовь орудия! — скомандовал лейтенант, — ну, ребята, теперь они в наших руках. —

Обломки были убраны, и уцелевшие пушки заговорили снова. Французский якорь был перебит, и «Леда» удалось освободиться от роковых объятий врага. На палубе французского корабля началась паника. Люди падали массами и вдруг... «Слава» стала быстро удаляться.

— Они бегут! Они бегут! — закричали англичане.

И действительно, французский корабль прекратил стрельбу и усердно работал уцелевшими парусами. Кто же победил французов? «Леда»?

Нет.

Пороховой дым рассеялся, и причины, поведшие к такому странному и неожиданному окончанию боя, разъяснились. «Леда» находилась у самого устья канала, ведущего в бухту. Сюда приблизились незаметно оба корабля во время сражения.

В море, в милях четырех, был виден другой отставший фрегат «Дидона», который стремительно, под всеми парусами, преследовал улепетывавшего на север француза. Орудия «Дидоны» гремели. Оба корабля скоро исчезли из вида.

Но сама «Леда» оказалась в печальном состоянии. Главная мачта была сбита, не было также бизань-мачты и гаффеля. Паруса напоминали лохмотья нищего. Сто человек команды были убиты.

А рядом с кораблем в воде плавали обломки какого-то судна. Вот из волн высунулась носовая часть. Она была выкрашена в черный цвет и на ней виднелись белые буквы:

«Б у и н а я С а р р а».

— Боже мой! — воскликнул Вартон, — это пиратский бриг спас нас! Гудсон подкрался к французам и открыл по ним канонаду. Залп французских орудий уничтожил бриг!

Маленький капитан повернул направо кругом и молча зашагал назад и вперед по палубе. Матросы усердно работали, чиня повреждения.

Капитан снова приблизился к лейтенанту, и последний заметил, что суровое лицо его начальника имело теперь жалкое, растроганное выражение.

— Они все погибли, повидимому?

— Все. Команда пошла ко дну вместе с бригом.

И оба офицера вперли глаза на обломки, на которых красовались зловещие белые буквы. Между изломанным гаффелем и кучей перепутанных снастей виднелось что-то черное. Это был пиратский бриг, а рядом с ним плавал красный колпак погибшего атамана.

Капитан долго глядел на этот колпак и, наконец, воскликнул:

— Он был негодяй, но в нем был жив британец! Жил, как собака, а умер, как человек. Да, клянусь Богом, он умер, поистине, как человек.

Запечатанный приказ.

Ваш капитан Гансен производит на меня впечатление человека тупого, с неповоротливым умом, а нам нужен малый находчивый, — сказал посетитель.

— Предоставьте мне это дело—ответил один из членов пароходовладельческой фирмы.—Я подвергаю опасности пароход, и, поверьте, он дороже вашего груза. Многие предприятия подобного рода не удавались только потому, что экипаж не умел держать языка за зубами. Ну, его, вашего смелого, сообразительного шкипера! Эли Гансена я хорошо знаю.

— Придется удовольствоваться вашим словом, — неохотно согласился посетитель.—Но, исполнит ли... гм... я хочу сказать... исполнит ли он приказание?

— Он исполнит приказание, если даже это заведет его в ад и еще дальше,—решительным тоном сказал пароходовладелец.—И расспрашивать не станет...—Взяв с письменного стола продолговатый толстый конверт, он просмотрел листки, лежавшие в нем, и прибавил уверенно:—Угодно вам взглянуть на документы? Может быть, неблагоприятно посылать Гансена таким образом, но дело — дело, и я не желаю, чтобы о предприятии разошлись слухи.

Агент, который больше всего заботился о безопасности груза, морщась прочитал бумаги; повидимому, предложенный план казался ему странным и невероятным, но раньше, чем он успел вы-

сказать сомнения, пароходовладелец открыл дверь и крикнул в соседнюю комнату:

— Войдите, капитан Гансен. Мы ждем вас!

В комнату вошел плотный, краснолицый человек, почтительно поклонился пароходовладельцу и остановился перед ним с фуражкой в руке.

— Насколько мне известно, товар доставлен, и пароход отправится в Колон, капитан Гансен? Надеюсь, экипаж на палубе и люди трезвы?

— Да, сэр. У меня отличные служащие. Что-нибудь еще?—проговорил капитан деловитым тоном.

Пароходовладелец заклеил продолговатый конверт, запечатал его печатью и сказал:

— Здесь—добавочные распоряжения, капитан. Вы распечатаете конверт, только проходя мимо мыса Делавар; исполните приказания в точности. Теперь все. Желаю вам счастья. Вы отойдете сегодня в полдень.

Спрятав конверт во внутренний карман, капитан Эли Гансен пробормотал слова два в виде прощания и перешел в следующую комнату. Между тем торговый агент заметил недовольным тоном.

— Он не задал ни одного вопроса. Желал бы я посмотреть, какое лицо будет у него, когда он прочитает этот запечатанный приказ!

— Он и глазом не сморгнет,—послышался ответ,—и, уверяю вас, не откроет конверта раньше времени.

II.

Через несколько часов «Корсика», грузовой пароход, снабженный двумя винтами, уже шел по открытому морю; большие зеленые волны разбивались о его нос и покрывали пеленами брызг ка-

питанский мостик. Эли Гансен в желтой непромокаемой куртке стоял, опираясь на перила, и пожевывал сигару, всматриваясь в бурные валы, не тратя слов на ненужные разговоры со своим первым помощником. К полуночи ветер и море стали так грозны, что «Корсика» уменьшила ход до половины. Капитан Гансен понимал, что мимо мыса Делавар он пройдет позже, чем предполагалось, но его совсем не мучило любопытство относительно запечатанных приказов. Только через двенадцать часов уменьшившийся напор ветра и волн позволил «Корсике» прибавить паров. Когда, наконец, капитан Гансен увидел маяк, он заперся в своей рубке, задернул занавеси, методически вынул из ящика письменного стола продолговатый конверт и разорвал его. На заглубленном лице Эли отражалось только выражение любопытства, пока он, шевеля губами, читал странный приказ.

«Выгрузите товар подле устья риа Сабана, между Картагеной и Баранквиллой на северном берегу Венецуелы. Генерал инсургентов Рафаэль Портуендо будет ждать «Корсику»; обменяйтесь с ними сигналами, чтобы узнать, можно ли отправить груз на сушу. Полагаем, вы сумеете заставить экипаж исполнить ваше приказание. Можете обещать двойное жалованье за этот рейс. Если вы благополучно доставите груз на землю, вы, понятно, получите большую премию. Мы не желаем подвергать опасности пароход или экипаж, однако считаем, что необходимо принять все меры для достижения желанных результатов. Немедленно уничтожьте приказ».

Капитан Эли проворчал что-то нечленораздельное, задумчиво посмотрел в пространство, пробежал глазами подписанный экземпляр списка гру-

за, и его глаза улыбнулись. Перечень начинался так:

«300 ящиков, обозначенных «маринованное мясо»—нагружены оружейными патронами.

«250 с надписью «ветчина и грудинка» — нагружены патронами.

«176 бутылок помеченных «пиво в бутылках» —ружейные патроны.

«118 ящиков с пометкой «земледельческие орудия» наполнены маузеровскими ружьями.

«294 пакета с пометкой «косы»—маузеровские ружья».

Шкипер не стал читать далее; он медленно поднялся со стула, несколько раз прошелся по каюте и, стоя с широко расставленными, толстыми ногами, мысленно сказал себе:

— Почему они так мало доверяли мне, что не сказали всего этого в гавани? Не совсем честно поступили они со мной и с моими людьми. Конечно, мне нужно позаботиться обо всем.

Он позвал главного машиниста. Вошел человек с фигурой викинга, засаленный, мрачный, со свежим обжогом на щеке.

— Я давно знаю вас, Циммер,—начал капитан.—До поры до времени не говорите никому того, что я скажу сейчас. Наш груз оказался маской. Я не мог вам сказать об этом на берегу, потому что мне дали запечатанное приказание. Мы должны доставить оружие и все такое венецуельским мятежникам. Иногда это довольно опасное дело, как говорят, а у вас шесть человек детей; у меня дома только жена. Мне нужно было объяснить вам, как все это случилось. Пожалуйста, не осуждайте меня, что я раньше не предупредил вас.

Это сообщение немного изумило Циммера, но без малейшего волнения он поднял голову и засмеялся.

У меня в отделении—пираты и головорезы, капитан. Они охотнее будут драться, чем кушать. Запечатанное приказание? О, это штука! Ну, что же? Будем молчать! Но мои машины расшатались от этой бури, и «Корсика» не может уходить от блокирующих судов.

— Пусть пароход все-таки идет как-нибудь,—возразил капитан,—я хочу выгрузить мой товар, Циммер. Только не знаю, как примет известие экипаж. Я скажу им все, когда мы придем в южное море.

— Когда вы будете готовы, чтобы держать военный совет, позовите меня—сказал немец. — Если нам нельзя будет идти очень быстро, мы, может быть, сумеем немножко подраться. Большую часть южно-американских военных судов, которые я видел, можно было бы потопить игрушечными пушками.

Капитан сошел в трюм, стал рыться среди тюков и отыскал недалеко спрятанные ружья, револьверы и патроны; они могли оказаться под рукой в случае нужды. Приняв такие меры предосторожности против возможного мятежа или других случайностей, он вынул морскую карту, наметил карандашом крестик в месте высадки и вернулся к обычным обязанностям. Простая душа Гансена не видела во всем этом ничего героического или романтического.

III.

День за днем «Корсика» шла на юг; никто не преследовал ее. Теперь тропическое солнце обжигало ее палубы, и полуобнаженные, задыхающиеся кочегары вылезали из трюма, обливали друг друга водой, а потом, как мертвые, падали под навесом. Наконец, настало время пароходу отклониться от

курса в Колон, и дольше было невозможно скрывать дело от помощников. Капитан Эли собрал их и в коротких словах объяснил им все. Мидльтон, его первый помощник, твердо сказал:

— Я буду действовать заодно с вами, сэр.

Капитан одобрительно кивнул головой этому живому молодому янки и с угрюмым лицом повернулся ко второму помощнику, когда тот, весь бледный, нервно крикнул:

— Я подписывал контракт не для этого! Нас перестреляют, если мы подойдем к берегу. Я... я... — Он собрался прибавить еще что-то, но капитан Гансен остановил его:

— Довольно. Я не могу принудить вас делать беззакония, но считаю, что в течение остального рейса вам лучше быть простым пассажиром.

На глазах разжалованного помощника выступили слезы, и он, запинаясь, принялся просить выслушать его. Но Гансен повернулся к нему спиной и сказал Мидльтону:

— Позовите всех на бак.

Матросы, буфетчики, повара, пестрая толпа американцев, ирландцев, негров и скандинавцев собралась на носу, глядя на бесстрастную фигуру командира, который отер рот обратной стороной руки и спросил:

— Кто из вас, ребята, согласен рискнуть шеей за двойную плату?

— Я, сэр!—Да, да...—Вот так штука!—зазвучал целый хор голосов; потом послышались более слабые возражения недовольных:—Из-за чего? Где? Скажите?..

— Это—не ваше дело,—спокойно ответил капитан Эли.—Вы—в меньшинстве. М-р Мидльтон, дайте этим упрямам пять минут на размышление. Если они все-таки будут стоять на своем—заприте их.

— Я сказал все моим пиратам,—шепнул Циммер на ухо капитану.—Все они очень рады; только трое заупрямились, но остальные отколотили недовольных раньше, чем я их остановил.—Тут его голос еще понизился, и он прибавил.—Надеюсь, за нами не погонится броненосец? Мои машины очень «больны»; сильного хода они не выдержат.

— Хорошо, Циммер. Я постараюсь пристать дня через два-три,—ответил капитан.

Все разошлись, толкуя о странной новости. Будь на пароходе другой капитан, может быть, поднялся бы настоящий мятеж, но Эли Гансен так круто обошелся с трусами, что изменил мнение большинства.

«Корсика» пошла прямо к берегу, и, наконец, волнистая, окутанная дымкой, линия гор вырисовывалась на далеком горизонте. Немного позже капитан различил горный проход, через который рiu Сабана изливалась в море. В говорную трубу он попросил Циммера дать больше пара, и грохот машин доказал ему, что пароход напярк все свои силы. На сафировом море не виднелось ни дыма, ни паруса. Казалось, до смешного просто пристать к земле. Капитан Гансен ходил взад и вперед по мостику, и его красное лицо собиралось в маленькие морщинки, когда он всматривался в крошечную, закрытую землю, бухту—цель плавания. Готовились подняться его дневные сигналы: черный шар на передней мачте и белый значек на главной. Любопытные матросы усиленно работали или играли ружьями, поддразнивая друг друга. По их мнению, двойная плата никогда не доставалась им так легко.

Округлые передние, покрытые зеленью, холмы и яркая лента бухты отчетливо обрисовывались;

пароход, уменьшив пары, осторожно полз к заливчику; лотовый то-и-дело зондировал дно, чтобы как-нибудь не налететь на рифы, не помеченные на карте. Из открытых люков несясь звон и свист парового двигателя; лебедки и краны были готовы быстро доставить груз на шлюпки. Вот из зелени показался кавалерийский разъезд—мелкие пятнышки; всадники носились взад и вперед, потом стали подвигаться к берегу. Издали прозвучали выстрелы небольшого полевого орудия. Сигнальная пушка выстрелила, по условию, с перерывами в тридцать секунд. Поставив пароходную подзорную трубу на перекладину борта и глядя в нее, капитан Эли увидел белый флаг, который поднялся на чешуйчатый ствол высокой и одинокой пальмы. Генерал Рафаэль Портуендо ждал его, и на берегу не виднелось врагов.

Эли спустился с мостика, чтобы посмотреть, готовы ли шлюпки, но едва он дошел до палубы, как первый помощник вскрикнул и протянул руку по направлению к востоку. Из-за выдающегося мыса, на расстоянии двух миль, вышла белая канонерская лодка, вынырнув, точно из засады. Солнце играло на ее медных частях; из ее трубы выходила длинная лента черного дыма. Она долго скрывалась за мысом, и в ту минуту, когда «Корсика» увидела канонерку, злобное судно уже было готово нанести удар.

— Мне это не нравится,—сказал капитан. — Вероятно, мятежники сторожили плохо; в противном случае, они предупредили бы нас.

— Что вы думаете делать?—вскрикнул Мидльтон. — Канонерка принадлежит к венецуельскому флоту, и нас поймают во время перевозки ящиков...

— Я доставлю на землю груз, м-р Мидльтон, — проговорил капитан.

— Итти в бухту, сэр?

— Нет, остановитесь. Зачем дать канонерке закупорить нас в этой бухте? Ведь, мы не выберемся отсюда.

С палубы неся гул испуганных голосов, и экипаж «Корсики» бросался из одной стороны в другую. Капитан Гансен вынул из куртки большой револьвер и сурово сказал:

— Спокойнее, вы там! Нечего выть, пока вас не ударили. Предоставьте все дело мне!

Паника утихла. Капитан крикнул Циммеру через трубу:

— Плохи наши дела. На нас очень быстро идет вражеский пароход с востока. Уйти от него мы не можем. Ждите моих приказаний. Понимаете? По моему приказанию бросайтесь...

— Я уж говорил, что пароход не может убежать. Но я сделаю все, что можно,—послышался глухой ответ.—Парусные суда были удобнее для таких контрабандных предприятий.

Капитан наблюдал за подходящей канонеркой; казалось, он не знал, что делать. Мидльтон отер лицо, покрывшееся каплями пота, и нетвердым голосом сказал:

— Боже мой, эти мошенники потопят нас! Лучше пристать и бежать в леса. Мятажники приютят нас в своем лагере...

Но капитан точно и не слышал его. Угрожающее судно с изумительной быстротой несло к «Корсике». Вот показался круглый комок белого дыма, и в нескольких сотнях футов от грузовика в воду с плеском упал снаряд.

— Мы остановимся,—прошептал капитан Эли.

Почти неподвижная «Корсика», казалось, ждала, неприятеля, намереваясь сдаться без боя. Канонерка подошла уже так близко, что за пушками

ясно виднелись смуглые матросы в белых куртках. Удивленные сонливостью флибустьера, венецуельцы перестали стрелять, и канонерская лодка уменьшила ход.

Странная тишина стояла на палубе «Корсики». Матросы еще не понимали, что бедствие подошло совсем близко. Только негр-повар громко крикнул что-то, упал на колени и забормотал молитвы: он уже давно плавал на море и видел кровавый финал одной революции в Гондурасе.

— Нас поймают с поличным,—вдруг вскрикнул Мидльтон.—Неужели вы хотите, чтобы нас перебили, как загнанных крыс?

— Вы слишком много говорите,—сердито заметил ему капитан.—Если вы не будете осторожнее, мне придется отстранить и вас.

Нарядная канонерка, покачиваясь, повернулась, чтобы крупнокалиберное орудие могло прицелиться в «Корсику»; солдаты-венецуельцы толпились подле шлюпок, и, казалось, неприятель хотел выслать вооруженные силы, чтобы овладеть грузовым судном. Капитан Гансен поднял бинокль и долго пристально смотрел на плотную фигуру, которая виднелась на низком мостике канонерки Венецуелы. Рослый, краснолицый, повелительный человек в белом мундире с золотой вышивкой, очевидно, командовал этим судном. Капитан «Корсики» потер свой загорелый нос, отошел от лоцманской будки и мысленно сказал:

— Я так и думал, что этой красивой канонеркой командует белый. Да-а. Я повсюду узнаю его, в каком угодно костюме. Но... признаюсь!..

Командир канонерской лодки также внимательно смотрел на мостик «Корсики», где стоял капитан Гансен. И офицер венецуельского флота волновался больше Эли. Он вскинул обе руки, за-

шатался и закричал с выражением глубокого изумления:

— Эй, пароход! Неужели это ты, Эли? Ты— капитан?

— Как поживаешь, Франк?—на высокой ноте крикнул Гансен.—Я уже несколько лет потерял тебя из виду. Кажется, тебе повезло. — И, точно еще нужны были объяснения, капитан Эли обернулся к своему первому помощнику и заметил:

— Это—мой единственный брат. И он всегда был преупорный малый.

А Франк Гансен не нашел ни одного слова, уместного в этой трагической загадке. С взволнованными жестами его окружили офицеры, и град вопросов, брошенных по-испански, долетел до молчаливых палуб «Корсики». Оттолкнув товарищей, Франк мрачно посмотрел на свое призовое судно с тревогой в глазах; но вот зазвучал сильный спокойный голос Эли, перелетевший через разделявшую их полосу моря.

— Ну, Франк, что же ты собираешься делать? Мне будет противно, если ты не исполнишь своего долга.

— Я возьму твой пароход и груз, Эли, — слышался ответ. — Но ни тебе, ни твоим людям не сделают вреда. Итак, помоги мне Бог!

Некоторые из офицеров, знавшие английский язык, поняли это замечание и вскрикнули от гнева. Капитан Эли с нетерпением крикнул:

— Я не хочу, чтобы у тебя вышли неприятности с твоим правительством, Франк. И мы, ведь, не просим пощады. Нет еще! Я доставляю груз на землю, по крайней мере, намереваюсь сделать это.

— Ради Бога, не двигайся! — крикнул ему брат. Не то мне придется открыть огонь. Я знаю, как ты упрям, Эли, но ты сыграл свою игру, и проиграл.

— Я не упрямее тебя, — ответил Эли, и в его тоне послышалось легкое раздражение. — Я повинуюсь приказаниям, и ты — тоже.

«Корсика», высокие борты которой представляли довольно большую площадь для сопротивления поднявшемуся ветру, дрейфовала и, слегка покачиваясь, приближалась к канонерской лодке. Эли Гансен пожал широкими плечами, точно находя дальнейшие разговоры ненужными; потом, взглянув добрым взглядом на своего храброго брата, быстро вошел в лоцманскую будку и крикнул главному машинисту:

— Полный ход вперед старбортным винтом. Полный задний ход левым винтом. Держаться крепко. Будет толчек!

И, внезапно взволновав море, покрыв его кипящей пеной, «Корсика», точно на стержне, сделала поворот почти на одном месте. Ее движение было так отчаянно, так невероятно, что командир канонерской лодки потерял несколько драгоценных секунд раньше, чем успел собраться с мыслями и броситься к индикатору. Пораженный паникой, лейтенант уже схватился за ручку и повернул ее на «полный ход назад», — но Франк, с громовым испанским ругательством, одним ударом опрокинул его на пол и поставил рычаг на «полный ход вперед». Вследствие такого смещения сигналов, канонерка только-что начала двигаться вперед в ту минуту, когда большой нос «Корсики» подошел к ней под прямым углом. Командир приказал артиллеристам вернуться на места и подгонял их ударами кортика плашмя. С палубы «Корсики» посыпались ружейные выстрелы; двое-трое из экипажа канонерки упали.

Трагедия совершилась быстро... Как страшный, тяжелый таран, грузовой пароход ударил канонер-

ку почти в середину ее корпуса и разрезал ее тонкую броню, точно тесто. «Корсика» медленно дала задний ход, точно собираясь нанести новый удар, — но дело было уже окончено. Расшатавшаяся канонерка тонула, ее котлы внезапно взорвались с оглушительным грохотом — и через несколько минут там, где она недавно виднелась, осталось только курящееся от пара взволнованное пространство воды, усеянное обломками и темными фигурами погибающих людей.

Первый помощник повернулся к капитану Эли и увидел его серое, постаревшее, изнуренное лицо. Капитан стоял, тяжело облокотясь на колесо. Он кивнул головой, качнулся, выпустил опору из рук и упал на скамейку, с трудом проговорив:

— Спустить шлюпки! Непременно подобрать брата... Он соскочил раньше, чем мы нанесли удар, и плавает, как утка...

— Хорошо, хорошо, сказал Мидльтон и крикнул второму помощнику приказание. — Но что с вами, капитан? — прибавил он. — Вы ранены?

— Один из черномазых угостил меня, — прошептал капитан. — Кажется, я сильно ранен. Франк не виноват... Он нарочно не сделал бы этого.

— Позвольте мне снять вашу куртку, — попросил помощник. — Может быть, шлюпки выловят хирурга. Ах, Боже мой, Боже мой, да у вас грудь пробита! Ну, я сам сделаю вам перевязку.

— Хорошо, только не забудьте: я хочу доставить груз на землю, — слабо шепнул Эли.

IV.

Немного позже внесли в капитанскую рубку плотного человека в промокшем мундире. Широко открыв глаза, Мидльтон смотрел на офицера. Его

сходство с капитаном Эли было несомненно, хотя морской офицер держался самоувереннее брата, и его подвижные черты явно выдавали печаль. Он подошел к скамейке, взял слабую руку капитана «Корсики» и вскрикнул:

— Это был случайный выстрел... Но, слава Богу, моего доктора спасли. Через минуту он будет здесь. Почему ты не подождал? Мы могли бы еще сговориться и...

— Ты лжешь, Франк,—прошептал Эли, и его глаза сурово посмотрели на брата.—Мы мальчишками бывало дрались с тобой... и нас приходилось растаскивать, потому что ни тот, ни другой не хотел уступить. Ты исполнил свой долг, а я свой... до конца. Уж такая кровь у Гансенов... Я устал, и дышать мне трудно, и все как-то странно... Мне лучше отдохнуть. Вы потеряли много людей?

— Почти все прыгнули во-время. А знаешь ли? На море нет другого человека, который осмелился бы ударить меня так, как это сделал ты.

Вбежал врач, жалуясь на свои несчастья; помощник обыскал шкаф и вынул из него набор инструментов, которые на всякий случай хранились на пароходе. Увидя свертки полотна и марли, Эли посмотрел на Франка, и его слабая рука подозвала брата. Франк Гансен, искатель приключений, уселся на край скамьи—и его решительный рот дрогнул, а глаза увлажнились, когда он слушал, как брат говорил ему:

— Пуля пронзила меня, Франк, и, я думаю, это мое последнее плавание. Слушай, я беспокоюсь о тебе. Что сделают с тобой эти мятежники на берегу?

— Не тревожься, Эли. Меня и моих служащих ждут—барабан, военный суд и взвод солдат, который нас расстреляет. В этой игре—или выиграш, или проиграш.

Лицо раненого омрачилось тревогой. Прямая линия его долга вдруг сделалась запутанной; однако, даже теперь его благородная простота не могла поколебаться, и, быстро взяв брата за руку, он повторил:

— Мне нужно, Франк, исполнить мой запечатанный приказ.

— Правильно, Эли... Я не буду спорить. Я во всяком случае проиграл. Мое правительство расстреляет меня за то, что невооруженное торговое судно погубило канонерку. Вели помощнику итти к бухте и передать груз.

— Это ужаснее всего, прошептал капитан «Корсики» и прибавил:

— М-р Мидльтон, заставьте генерала мятежников Портуендо поклясться над библией, что он не захватит экипажа канонерки на моем пароходе. «Корсика» — американская территория, и у нас достаточно пушек, чтобы отстоять ее.

— «Корсика» медленно вошла в устье Саба-ны. Мидльтон отправился в шлюпке на берег переговорить с главой инсургентов и его штабом. Мятежники видели морской бой и шумно требовали пленников. Молодой помощник с суровой серьезностью передал ультиматум капитана Гансена и отказался слушать возражения. Генерал согласился, хотя и неохотно, и несколько взводов его оборванных солдат были доставлены на «Корсику»; их мгновенно обзоружили, едва они стали подниматься на борты грузовика; затем им позволили перенести тяжелые ящики в лодки.

При сиянии месяца шлюпки с плеском двинулись к бухте, но капитан «Корсики» не слышал шума воды. Беспорядочный мозг перенес больного в ново-английскую деревню, туда, где он жил в детстве. Долго сидел рядом с ним брат и удив-

лялся, что в последние часы жизни Эли мир и счастье, казалось, спустились на него. Солнечный свет снова лился через окна и открытые двери капитанской каюты; Эли Гансен пришел в себя и к чему-то прислушивался. Угадав его мысли, Франк наклонился над ним и сказал:

— Груз доставлен; помощник получил расписку генерала. Как только окончатся небольшие починки судна, можно будет отойти.

— А пароход очень поврежден, Франк?

— Носовые плиты немного скорчились. Но он дойдет отлично. Что прикажешь, Эли?

— Высади твоих людей на Тринидаде. Сам же води пароход. Ты ведь можешь бросить твое место здесь?

— Могу. Ты меня начисто выбил из него.

Капитан Эли собрался с силами; казалось, он хотел сказать еще многое и, наконец, заговорил:

— Ты не виноват, Франк. То есть, в том, что меня застрелили. Возьми под свою команду «Корсику». Скажи моим пароходовладельцам, что прежде я никогда не просил у них ничего, а теперь прошу отдать тебе мое место... А потом, вот жена... Ты помнишь Ненси?—Он замолчал, улыбнулся странной, шаловливой улыбкой, и продолжал. — Если бы ты не поссорился тогда с ней и не ушел в море, я думаю, она вышла бы замуж за тебя, а не за меня... Может быть, через год, через два она успокоится... Заботься о ней, Франк...

V.

Через час американский, усеянный звездами флаг, опущенный до половины мачты «Корсики», развернулся в сильном ветре. Едва этот знак траура заметили на берегу, как трубы инсургентской

армии заиграли похоронный марш, и черные батальоны молчаливо выстроились на берегу бухты. Генерал Портуендо и его офицеры надели жалкие остатки парадных мундиров, приплыли на «Корсику» и остановились близ капитанской рубки. Бывший командир канонерки правительства поклонился им и сказал по-испански:

— Я больше не ваш враг, сеньоры. Мой брат пожелал, чтобы его похоронили в море. Пожалуйста, распорядитесь мною.

— Мои солдаты хотят дать залп с палубы вашего судна, — ответил генерал, — и посмотреть на мертвое лицо моряка, который ради нас пожертвовал жизнью. Им также очень хотелось бы, чтобы цвета нашей армии освобождения лежали на его груди вместе с флагом его собственной славной республики.

— Будет исполнено, генерал Портуендо. До полудня тело моего брата останется в этой каюте.

Лиловатые высоты прибрежной линии исчезли за горизонтом, когда новый командир парохода позвал к себе первого помощника.

— М-р Миддлтон, сказал он, — мы опять в море. Остановите пароход, пожалуйста. Пусть все соберутся у правого трапа для похорон.

Когда собрался молчаливый экипаж, Франк подошел к матросам, неловкими руками перелистывая страницы библии, которую он взял из каюты брата. Вдруг его мрачное лицо осветилось, точно он отыскал именно то, что желал найти. Дрожащим, звонким голосом Франк прочел эпитафию капитана «Корсики» Эли Гансена:

— Я боролся до конца; мой путь окончен; я остался верен.

Библиотека „Досуг и Польза“

Первая литературная серия:

- Выпуск № 1. **В. Бласко-Ибаньес.** Сострадание.
„ № 2. **К. Матью.** Месть Профессора.
„ № 3. **Л. Кормчий.** Девочка в розовом.
(Рассказы о необычайном).
„ № 4. **Марк-Твен.** Кружок смерти.
„ № 5. **А. Конан-Дойль.** Черное знамя.
„ № 6. **Ж. Ришпен.** Шедевр преступления.
„ № 7. **А. С. Грин.** Племя Сиург.
„ № 8. **С. Лагерлеф.** Музыкант.
„ № 9. **Дж. Лондон.** Ужасы Соломоновых островов.
„ № 10. **Р. Пресбер.** Талер тетушки Сидонии.
„ № 11. **С. Антонин.** Час, которого не было.
„ № 12. **Р. Киплинг.** История Памбе Серанга.
„ № 13. **Г. Эйльбек.** „Руби“ и Руби
„ № 14. **К. Матью.** Темное дело.
„ № 15. **Дж. Лондон.** Из моих скитаний.
„ № 16. **Ф. Ланкастер.** Призрак орангутанга.
„ № 17. **Г. Уэльс.** На дне моря.
„ № 18. **Л. Кормчий.** Дом на острове.
„ № 19. **Дж. Лондон.** Чемпион.
„ № 20. **В. Джекобс.** Непостижимый случай.

Цена каждого выпуска 10 рублей.
(с пересылкой за границу 5 американских центов)

Готовятся к печати вторая литературная и первая техническ. серии
каждая по 20 выпусков

С заказами обращаться в Издательство „ПРЕССА“
Рига (Латвия) Бастион, бульв. 9, кв. 5.